

Как я стала поэтом: Свободные чтения в Облаках

На своей остановке я забегаю в полупустой 315-й автобус и смотрю: у самого края, около второго выхода, сидит дяденька в странной серо-синей шапке, на которой, как мне показалось, был занимательный тибетский рисунок. Я села сзади, недалеко от него.

У мужчины была большая спортивная сумка, откуда он одну за другой доставал потрёпанные толстые тетради. Даже издали были видны зачёркивания, ремарки, какие-то записи размашистым почерком, больше похожие на конспекты, записанные ещё чернилами. «В Облака едет» — подумала я, и не ошиблась.

Выйдя из автобуса, я увидела парня с гитарным кофром за спиной, быстро идущего в сторону стадиона «Металлург», и не заставила себя ждать мысль о том, что этот человек тоже бесспорно направляется на чтения. Таких людей отличаешь уже на подступах к проекту. Рыбак рыбака...

...Неожиданно так много народа, мест уже почти нет. Неужели это всё поэты? Несомненно, поэтов здесь будет много. А кто-то наверняка тоже пишет стихи, но не выйдет их прочесть.

Я впервые побывала на свободных чтениях в проекте «Облака», где поэты — сами себе хозяева.

Это уникальное и неповторимое явление, когда читает сам автор, с душой, пронизанной своими же собственными строками, знакомыми им до мельчайших деталей, читает с интонацией, которая истинно передаёт все оттенки его эмоций. Наверное, никто, кроме автора, не может прочитать стихи наиболее всеобъемлюще, выразить в них всё, что чувствовал во время написания.

Когда только еще поднимаешься в зал, встречаешь лица людей с внимательнейшим взглядом, становится понятно, что эти люди, несомненно, видели и видят многие детали, а в них, как когда-то было сказано, заключается красота. И она у каждого своя, специфическая. От отчаяния до великой любви, от милейшей доброты до жестокости, от мягкой и тающей женской лирики до мужской резкости, ярости и мудрости.

На самом деле, было трудно представить, что всё это происходит в один момент на этом вечере, потому что каждый поэт, выходя к микрофону, вовлекает во что-то искреннее, своё. Все эти чувства воплощаются в слова, строки, рифмы, строфы... На мой взгляд, не совсем правильно давать критику чувствам, а скорее, нужно верно критиковать их воплощение, что и было удачно устроено на этих свободных чтениях.

Случалось, выступали поэты с уже сложившимся стилем, а чаще — совсем молодые люди, которые себя только ищут, и в их искании любой может найти что-то для себя, например, внезапные и необычные рифмы, образы.

Они не остаются без внимания. Иногда же строки молодых поэтов наводят на воспоминания стихов уже знаменитых авторов, проводятся некоторые параллели с ними. То ли будет это

обидно, то ли, наоборот, приятно, — сокроет автор, слушая критику. «Юным в своём творчестве поэтам трудно избежать штампов» — было произнесено кем-то. Возможно и так, но только вопрос: догадываются ли они сами, что пишут уже по накатанному? А быть может, тот, кто не так давно узнал, что может облекать слова в красивые созвучья, об этом не знает. Для него это чудо, это радость или облегчение сердцу после муки. Свобода, образующаяся в солнечном сплетении с каждым написанным словом. И снова: это не остаётся без внимания, только нужно быть чутким к словам друг друга.

Некоторые ребята почувствовали, что во многих стихах есть глубокая тоска и грусть, одиночество, борьба и страдание. Откуда же всё это? Я вспоминаю, как девушки (Софья Соболева и Вера Григ), замечательно выступившие дуэтом, сказали вначале, что прочитают очень грустные стихи, наверное, оттого, что они сами очень весёлые. Вроде бы молодость, вроде бы вполне есть счастье и радость вокруг, а разве не контрастом этому является то, описанное в тех пронзительных стихах? Я и сама не блещу позитивом в своих стихотворных работах, и в оправдание могу сказать только, что есть накопление свинцовой тяжести в душе на фоне проносающейся легкости событий. Это такие моментальные переживания (а момент — то ли 15 минут, а то ли год), которые проходят, но обязательно выпадают осадком в виде какого-то творчества. По-крайней мере, это моё предположение. Кто-то сказал, что стихи, которые можно пересказать — это не стихи. И тут же можно вспомнить слова Сергея Летова, концерт которого состоялся сразу после чтений:

«Грань между любительством и профессионализмом — условная, то есть если ты играешь хорошо, и люди хотят тебя слушать — ты профессионал, а если они не хотят тебя слушать, даже если ты окончил консерваторию — любитель».

Это, пожалуй, относится ко всему творчеству, на которое способен человек. Но если говорить без такой точной оценки, то на прошедших чтениях выбирали не через жёсткую критику, а в первую очередь, конечно, сквозь чувства, которые вызывали стихи.

Евгения Углова, слушатель:

Все чтецы — молодцы! Выйти и обнажить свои мысли и чувства — это мужество. Каждый поэт ставил перед собой свою художественную задачу. Мне кажется, условно можно наших творцов можно разделить на три группы. Первая — есенинцы. Увлекающиеся бытовой стороной мира, как правило, неприятной. Обычно к этой группе примыкают поэты мужеского пола или склада ума.

Вторая группа имеет восходящую и нисходящую стороны. восходящая - цветаевцы. Это мир душевных терзаний, когда поэт окунается в себя, исследует свою душу, иногда и других. Конечно, Цветаева обращалась к разным темам, но в целом ее творчество довольно интимно. Нисходящая — поющие голосом мирры Лохвицкой. В общем, вторая группа имеет ярко выраженный женский оттенок.

Третья, самая малочисленная — бродчане, занимающиеся интеллектуальным препарированием всего сущего. Сюда же я бы отнесла и последователей ахматовой, в строках которой — преодоление тягостей жизни, а не упивание ими. Объединяет их философская отчужденность от повседневного, попытка найти качества поэзии как панацеи для души, быть мужественным, держать планку. Третья группа не имеет половозрастных признаков.

В качестве итога: чтобы продвигаться по вышеперечисленным ступенькам и надолго на них не задерживаться, нужно много читать (не только русских поэтов), много писать (желательно пробовать разные жанры), много думать (не только о себе, о Родине, о мире).

Юлия Лунская, организатор Чтений:

— Для меня, конечно, стало огромной неожиданностью такое большое количество людей. А ещё неожиданней, что больше половины из них я видела впервые. Администратор «Облаков» Арина потом делилась услышанными в коридоре разговорами. Для многих было открытие, что подобные мероприятия проводятся в Липецке. Некоторые сокрушались, что только узнали о чтениях и столько пропустили.

Меня же порадовало, что новый формат чтений с обсуждениями пошёл на «ура». Я боялась, что люди либо совсем откажутся высказываться, либо начнут жёстко критиковать друг друга и ругаться. Но, к счастью, публика оказалась адекватной, правильно расценила нашу цель помочь авторам, а не убить в них творца. Надеюсь, что в последующем это принесёт свои плоды.

Алёна Алексеева, организатор Чтений:

— Новый формат хорош не только для тех, кого обсуждают, но и для так называемых «критиков». Учиться вслушиваться в чужое творчество, внимательно исследовать другого, терпимо относиться к чужим промахам и замечать хорошие рифмы, ритмы и строчки, а главное: уметь грамотно выразить свою критику, чтобы она не разрушила человека, а наоборот, направила его на путь самосовершенствования — это помогает самому творцу в его работе над своими текстами. Будем и дальше пробовать подобные форматы.

Те, кому понравился Вадим Игнаткин, могут посетить его творческий вечер в галерее Болконский (ул. Фрундзе, 34) 26 января в 16:00.

А мы в свою очередь, как и обещали, выкладываем по стихотворению от одного человека из каждой пятёрки, которые обсуждали на чтениях.

Юлия Этманова. Tribal patchwork

Затеваю писать симфонию,
Застреваю на ноте «до»...
Мир сложился такой бесформенный —
Что кругом обойди, что вдоль —
Не осталось на нем ни пятнышка
Первоопытной белизны...
Город курит кальяны мятные,
Пьет ликеры и ждет весны...

Вот бы что-то упрямо-острое,
Чтобы время растормошить:
Оказаться одной на острове
И из шкуры одежду сшить...
Надевая колчан со стрелами,
Начинаешь дышать и петь...
Отвыкай от седла и стремени,
По звериной ходи тропе,
Чужака за версту учуйвай,
А неправду — за три версты!

Нет, с такими, как я, молчуньями,
Хлеб не выпечешь — жди беды!..
Мне бы город — но чтобы с джунглями,
И пещеру — в семь этажей!
Где-то там, меж домов обугленных,
Ждет Тарзана — почти что Джейн...
Грань стирается, и к полуночи
Все едино: и смех, и вой...
Неужели у нас получится
Выдать правду за колдовство?
Убедить ни во что не верящих,
Превратить предсказанье в быль?..
Над долиной хлебов и зрелища
Симфонический воздух плыл...

Полина Лацци

Хочется верить, что научилась красить глаза так, чтоб были похожими на твои. По-еврейски — уголками вниз, словно сдул их мертейшего моря бриз... но обрамления чернотой осыпающихся ресниц — не скопируешь. Я посвятила бы двадцать предсмертных страниц их осенне-безжизненной сухости, но эти мои суицидальные глупости даже не стоят того.

Ты, конечно, еще полюбишь его: не корейца, так горбатоносого Жана Рено, не циничного мачо, так хотя бы верного мужа, что ущипнет за попу и будет исправно ждать ужина... О, с каждым днем мой мир становится уже, не сказать, чтобы хуже, но, чтоб добраться до выхода, важно упасть поглубже, пролететь неизвестность меридианов и параллелей. Только, разумеется, не перестать писать стихов, посвященных безымянной "Ей" (напоминает: ой-вей и хай-вей...). Да и я никогда, пора с этим смириться, не перестану. Поезжай куда хочешь, в Китай, в Казахстан, лишь бы твой родной и уютный стан можно было хотя бы мысленно обхватить, раз не решаюсь взять и ... захватить. Будешь шутить о толщине и обхвате... эта сладкая самоиронии вата затыкает уши. Все думаю о захвате. Если б две сотни назад ты была страной, я сожгла бы сама не одну Москву. Чтоб пройтись по тебе, чтобы властвовать над тобой. Хотя, тут я, опять же, вру. Я шаромыжник-француз даже на поле боя. Оттого, наверное, что слишком уж больно знать, предвидеть, как ты отдашься любому, и ключевым фактором будет все тот же мужской род во вселенском "Ом"у... надо бы переродиться и стать твоим Богом. Твоим сыном, твоей шизофреничкой-тетей и даже твоим домом.

Ты велела поставить черту в ноль восьмом. Между реальностью и выдумкой, помнишь? Я не справилась. Ом-ном-ном, как это стыдно и больно. Я загнала все вовнутрь себя. Ты так никогда и не восприняла всерьез. С тех пор это такой милый курьез — наслаждаться ароматом твоих волос, а спрашивать всегда о марке шампуня. Как будто тот несбывшийся поцелуй в июне или прорвавшийся позднее и ниже, в марте, были всего лишь помаркой на чистом конспекте нашей крепкой дружбы. Должна признаться. Я не та, кто тебе нужен, ибо никогда не решусь той быть. Намного проще в сторонке выть о том, что-де сильно тебя люблю, но на то я и би, и сапфо, и блю...блюю от своего собственного ничтожества. Писать в стихах... писать ночные пророчества. Перечитываю и удивляюсь, когда успела. Ведь ты же моя волшебница Стелла, если дойду до тебя, то окажусь в Канзасе, и все прежнее покажется глупой сказкой и фарсом. Видишь, все еще живу в сказках. Говорю на эльфийском. В сарказмических плясках не могу избавиться от фальшивой позы. Думаешь, почему не пишу нормальной прозой? Я понятия не имею, где та чертова черта. Мне хотелось бы, чтоб в уголках твоего рта никогда не селились отзвуки чужих имен. Но это уже эротический и

ванильный сон.

Если отбросить рифмы, у меня не найдется лимфы. Не найдется гемоглобина. Железа в крови нет. Я действительно люблю тебя, и люблю сильно. Но мне не хватает храбрости... а к черту!

Дай мне ответ!
Можешь ли ты полюбить меня?
Или —
в дурацкую рифму
(Отодвину подальше)
— нет.

Брюс Уэйн. Эликсир молодости

Венозный лик руки
Корчится под иглой
Расходятся круги
Сердечной частотой.
С боку скрюченные грибы
А под ногами черепа да кости.
И проступил флакончик из темноты
Вот он - эликсир молодости.
Узкие точки глаз
Фокусируя на ярком свете
От шеи по шву разойдясь
Голову трепет ветер.
Одноразовые шприцы
С поршневым давлением Буксируют как тягачи
Цепями волоча сновидения
Ложки до чёрных подпалин жгут.
Выдыхая морозными блёстками
После инъекций как спрут
С кровотокающими присосками
По дорогам хрустят
Контурсы обводя йодом
Проступившие капельки блестят
Гидрохлоридным мёдом
Всех страждущих внутривенно
Чем-то жгучим вмажет
И потом одновременно
Узлы жгутов развяжет
Пальцем по кругу
Размазывая голубую жижу
С каждым кубом друг к другу
Становимся ближе
Кожей цепляясь
Между гаражей за иголки
В клубничных полях валяясь
В протекторах — ампул осколки

Глубиной глаз наблюдая.
За худыми фалангами
Не заметно обвиваясь
Светящимися гирляндами
Мясные шестерёнки изнутри
Веки опустили до половины
С губ свисающие лоскуты
Жмутся через кожу к вате пружины.
Вытянув всё до миллиметра
Из капилляров узор плету.
И вот настало время десерта.
С вишенкой наверху
Чёрных кителей шприцы
До блеска салом кресты натирают
Слипшееся венозные концы
На костях хрящи зажимают.
С драгоценностями шкатулку
Открывая на выдохе не спеша
Руку сломав пополам как булку
С цветом синего мякиша
Ворочая железный лом
Наматывая тело
Ржавым механизмом
В ушах закрипело.
Золотой пыли горсть
Реальность исказило.
Забралом лобная кость
Солнце загородило.
Обдирал мне когтями полость и
С каждым новым глотком,
Этот эликсир молодости
Всё больше становился крысиным молоком.
Как Матфей или как Лука
Развернувшие схемы вселенной
Так и мы закатав рукава
Наркологу являем сокровенное.
Всасанные щёки начали белеть
Нам не осилить этой дороги похоже.
И чем ближе смерть
Тем становимся моложе.